

Мир без войн и насилия

Утверждение о том, что любая война сама по себе вещь нежелательная, не нуждается в особых доказательствах. Наряду с чумой и голодом, разрушительная стихия войны противна самой природе человека, как и природе любого живого существа, ведь все живое стремится сохранить жизнь и избежать смерти. Однако сама природа, вложившая в живых существ это стремление к жизни, всюду ставит их перед необходимостью отнять чужую жизнь именно для того, чтобы сохранить собственную. Этот закон оказался непреложным и для человеческих сообществ, как в доисторическое время, когда людские племена мало чем отличались от стад и стай животных, так и в историческое время, когда возникли государства, и в них стали развиваться культура и технологии. Если внутри больших сообществ и удавалось снизить до минимума уровень насилия посредством законов, морального воспитания и обеспечения достаточного уровня жизни, то, когда дело доходило до столкновения интересов государств, всегда находилась та точка невозврата, после которой единственным доступным средством разрешения спора оказывалась война.

Несмотря на то, что управлением государств на первый взгляд занимаются конкретные люди, похоже на то, что сами государства находятся в своей особой объективной реальности и логика поведения государства не сводится к совокупности волей людей, принимающих участие в управлении им. Это логика не человеческая и более примитивная, так что если от такого сложного существа, как человек, можно ожидать довольно непредсказуемых сложномотивированных реакций на те или иные стимулы, то с государствами все проще. Если ткнуть ядовитого жука, то он выстрелит ядом. Если уязвить государство, оно ответит рефлексом войны. Если принять это утверждение, то можно говорить о том, что здесь мы сталкиваемся с тем, что в теории систем называется эмерджентностью - появлением у системы свойств, не присущих её элементам в отдельности. Так происходит, например, при переходе с уровня элементарных частиц на уровень организованной материи. И по тому же принципу логика поведения муравейника отличается от логики поведения муравья, и для описания поведения муравейника недостаточно просто суммировать поведение всех муравьев. Муравейник – это самостоятельный надорганизм – социальное многоклеточное, живущее по своим законам.

Такое представление о социуме, кажется, имеет право на существование и многое объясняет, хотя ни в какую эпоху оно не было распространенным. И особенно противоречит ему парадигма Нового Времени, принесшего вместе с культом разума и представление о том, что принципы государственного устройства и межгосударственных отношений должны быть приведены в согласие с разумной жизнью и доброй волей человека. Посредством реформ и революций в Европе появились новые институты парламентаризма и демократии, а международные отношения стали ограничены всеобщими соглашениями и новыми правилами

поведения. Таким образом уже к концу девятнадцатого века в Европе было распространено представление о том, что эпоха войн заканчивается, что это пережиток варварства и будущие войны будут связаны лишь с отпором варварам и их «европеизации». В скором будущем весь мир должен был стать большой Европой, в которой восторжествует разум, мир и согласие, с сохранением привилегий старых европейских держав, разумеется.

Однако будущее оказалось далеким от этих представлений... После двух беспрецедентных по масштабам и жестокости мировых войн Теодор Адорно справедливо вопрошал: «Возможна ли поэзия после Освенцима?». Так и мы можем спросить у себя, верим ли мы до сих пор в будущий мир без войн и насилия? Десятилетия после Второй Мировой Войны были возможно лучшими за всю историю человечества. Хоть локальные войны на периферии не стихали ни на мгновение, все же это было относительно мирное время, время развития, полное надежд и оптимизма. Американский философ и политолог Фрэнсис Фукуяма поспешил объявить конец истории, как конец эпохи войн и смут. Позже он признал, что ошибся. И мы начинаем теперь отрезвляться и замечать, что история не кончается, но ходит циклами, а за золотыми десятилетиями процветания следуют годы тяжелых кризисов, насилия и горя. Возвращают ли нас эти исторические циклы к точке отсчета или же каждый новый виток повторяет предыдущий на более высоком уровне развития, свиваясь в Гегелевскую спираль – вопрос открытый.

Полагаю, что у нас все же есть основания для осторожного оптимизма в этом вопросе - основание хотя бы в вере в человека или Бога. Как мы предположили, человек разумный умнее государства – то есть объективной реальности, а значит может эту реальность перехитрить и преобразовать. Так же вера в Бога дает нам надежду на то, что добро и мир должны будут после всех испытаний восторжествовать на Земле, если мы будем следовать завету добра и мира. Однако здесь нас, возможно, и подстерегает самая большая опасность. Ведь если Ницше в свое время констатировал смерть Бога, то в наш век философы-постмодернисты констатировали и смерть человека. Как мы в этом рассуждении рассматривали государство в качестве бессознательного объекта, так все больше человек начинает рассматриваться как совокупность своих органов и лишается права на субъектность, переходя в ряд объектов. Мы видим попытки влиятельных людей, вооружившихся подобным представлением о человеке, построить новый мир, в котором не будет войн и физического насилия, но будет такой мир, какой есть в коровнике между посчитанным и обезличенным скотом. Мир Великого Инквизитора, заботящегося, как хороший пастырь, о своем счастливом безмозглом народе.

Здесь мы сталкиваемся с чем-то настолько противным человеческой природе и духу, что должны поставить вопрос о войне по-новому. Признавая губительность и нежелательность любой войны, можем ли мы только из желания избежать войны примириться со злом и пустить

его в свой дом? Всегда ли зло можно победить непровлением ему насиллем, как это представлялось Льву Толстому? Всегда ли войны – это лишь борьба за ресурсы и примитивный рефлекс государства на внешние стимулы, прикрываемые обманной риторикой моральности и праведности войны, или бывают случаи, когда мы действительно сталкиваемся с настоящим злом, которому разум и совесть побуждают нас активно сопротивляться? Не было ли и прежде в нашей истории таких ситуаций, когда бы мы сражались не за колонии или выход к морю, а противостояли чему-то поистине отвратительному, угрожающему самому естеству человека?

На последний вопрос нам будет не сложно ответить. Несмотря на распространяющийся релятивизм в оценке событий середины прошлого века, кажется, и теперь еще большинство согласны с тем, что в лице идеологии нацизма человечество встретилось с истинным злом, борьба с которым и победа над которым была поэтому в полном смысле священной. Но есть и другие случаи, когда моральный долг требовал бы активного сопротивления злу, пусть и не выраженному столь явно, как в случае с нацизмом. В двенадцатом веке, в Киеве, когда удельные князья отказывались идти на войну с половцами, Владимир Мономах держал перед ними такую речь: *«Вы жалеете крестьян, а о том не подумаете, что вот придет весна, выведет крестьянин в поле с конем, землю пахать. Приедет половчин, крестьянина убьет, коня уведет; наедут потом половцы большою толпой, всех крестьян перебьют, жен с детьми в полон заберут, скот угонят, село выжгут. Что же вы в этом-то людей не жалеете? Я их жалею, для того и зову вас на половцев»*.

Значит не всегда все же война оправдывается старым английским лозунгом: «Права она или нет, но это моя страна». Порой именно ощущение правды побуждает народы на активное сопротивление злу и несправедливости, когда помимо логики борьбы государств за влияние и ресурсы, задействуется логика нравственной и духовной борьбы народа за лучший мир.

Упомянутый нами Лев Толстой возразил бы на это с точки зрения здравого смысла и христианской морали в его собственном понимании. Ведь сказано просто и однозначно: «не убий». Любая же война есть само по себе убийство и зло. Зло нельзя победить другим злом – но лишь преумножить. Из этого вытекает концепция непровлениия злу насиллем. Однако здравый смысл здесь может быть обманчив, а иная простота, по пословице, хуже воровства. Ведь здравый смысл так же подсказывает нам, что Солнце вращается вокруг Земли, а не наоборот – это эмпирически наблюдаемый факт. Но чтобы понять, как дело обстоит на самом деле, нужно выйти на определенный уровень абстракции и затронуть более широкий контекст, усомнившись в собственной интуиции здравого смысла.

Свое возражение Толстому на концепцию непровлениия злу насиллем дает философ Владимир Соловьев в своем сочинении «Три разговора». Приведем маленький отрывок из этого сочинения. Толстовскую идею здесь представляет действующее лицо под именем Князь.

Другое лицо, Генерал, только что рассказал красочную историю о том, как однажды в армянском селе башибузуки устроили варварский погром и чудовищно пытали и издевались над жителями села. Увидевший все это Генерал, почувствовал просветление и божественное вдохновение, повелевшее ему немедленно расправиться с чертями, что он и сделал вместе со своим отрядом казаков, резюмировав рассказ так: *«А как стал Одарченко по именам поминать новопреставленных воинов, за веру, царя и отечество на поле брани живот свой положивших, тут-то я почувствовал, что не многоглаголение это официальное и не титул какой-то, как вот вы изволили говорить, а что взаправду есть христоролюбивое воинство и что война, как была, так есть и будет до конца мира великим, честным и святым делом...»*

Ниже следует такой диалог:

«КНЯЗЬ. *Кто в самом деле исполнен истинным духом евангельским, тот найдет в себе, когда нужно, способность и словами, и жестами, и всем своим видом так подействовать на несчастного темного брата, желающего совершить убийство или какое-нибудь другое зло, – сумеет произвести на него такое потрясающее впечатление, что он сразу постигнет свою ошибку и откажется от своего ложного пути.*

ГЕНЕРАЛ. *Святые угодники! Это перед башибузуками-то, что младенцев поджаривали, я, по-вашему, должен был проделывать трогательные жесты и говорить трогательные слова?*

Г[-н] Z. *Слова-то по дальности расстояния и по взаимному незнанию языков были бы тут, пожалуй, вполне неуместны. А что касается до жестов, производящих потрясающее впечатление, то лучше залпов картечи, воля ваша, для данных обстоятельств ничего не придумаешь.*

ДАМА. *В самом деле, на каком языке и с помощью каких инструментов объяснялся бы генерал с башибузуками?*

КНЯЗЬ. *Я вовсе не говорил, чтобы вот они могли подействовать по-евангельски на башибузуков. Я только сказал, что человек, исполненный истинного евангельского духа, нашел бы возможность и в этом случае, как и во всяком другом, пробудить в темных душах то добро, которое таится во всяком человеческом существе.*

Г[-н] Z. *Вы в самом деле так думаете?*

КНЯЗЬ. *Нисколько в этом не сомневаюсь.*

Г[-н] Z. *Ну а думаете ли вы, что Христос достаточно был проникнут истинным евангельским духом или нет?*

КНЯЗЬ. *Что за вопрос!*

Г[-н] Z. *А то, что если я желаю знать: почему же Христос не подействовал силою евангельского духа, чтобы пробудить добро, сокрытое в душах Иуды, Ирода, еврейских первосвященников и, наконец, того злого разбойника, о котором обыкновенно как-то совсем*

забывают, когда говорят о его добром товарище? Для положительного-то христианского воззрения непреодолимой трудности тут нет. Ну а вам чем-нибудь из двух уж непременно тут нужно пожертвовать: или вашей привычкой ссылаться на Христа и на Евангелие как на высший авторитет, или вашим моральным оптимизмом. Потому что третий, довольно-таки изъезженный путь – отрицание самого евангельского факта как позднейшей выдумки или «жреческого» истолкования – в настоящем случае для вас совершенно закрыт. Как бы вы ни искажали и ни обрубали для своей цели текст четырех евангелий, главное-то в нем для нашего вопроса останется все-таки бесспорным, а именно, что Христос подвергся жестокому преследованию и смертной казни по злобе своих врагов. Что Он сам оставался нравственно выше всего этого, что Он не хотел сопротивляться и простил своих врагов – это одинаково понятно как с моей, так и с вашей точки зрения. Но почему же, прощая своих врагов, Он (говоря вашими словами) не избавил их душ от той ужасной тьмы, в которой они находились? Почему Он не победил их злобы силою своей кротости? Почему Он не пробудил дремавшего в них добра, не просветил и не возродил их духовно? Одним словом, почему Он не подействовал на Иуду, Ирода, иудейских первосвященников так, как Он подействовал на одного только доброго разбойника? Опять-таки – или не мог, или не хотел. В обоих случаях выходит, по-вашему, что Он не был достаточно проникнут истинным евангельским духом, а так как дело идет, если не ошибаюсь, о Евангелии Христовом, а не чем-нибудь другом, то у вас оказывается, что Христос не был достаточно проникнут истинным духом Христовым, с чем я вас и поздравляю».

Сделаем краткие выводы из нашего рассуждения. Стремление к миру без войн и насилия естественно для всего человечества и стоит перед нами как первоочередная цель будущего развития. Это задача, не решаемая в рамках отдельного сообщества, но только объединенными усилиями всех народов. Вера в Бога и в человека позволяет нам надеяться на то, что в будущем будет выработана некая разумная и справедливая система всеобщей безопасности, позволяющей разрешать споры между государствами невоенными методами. Однако вопрос мирного сосуществования едва ли можно решить раз и навсегда чисто формальным образом. Мы легко можем себе представить мир хуже войны, и покуда в мире существует зло, то и необходимость активного сопротивления ему, в том числе военными методами, будет сохраняться.